

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
БЕЗ ПУЛЬСА

ЮЛИЯ ГУРВАЛЬД

18+

Юлия Гурвальд
Доказательство без пульса.

«Автор»

2026

Гурвальд Ю.

Доказательство без пульса. / Ю. Гурвальд — «Автор», 2026

Талисса Нотрикс — специалист по следам, которые невозможно подделать. Она знает, как говорит тело после смерти. Как кровь выдает направление удара. Как мельчайшая деталь способна разрушить идеальную ложь. Но новое дело в Майами не подчиняется привычным правилам. Слишком чистые улики. Слишком точные совпадения. Слишком много теней в городе, где все привыкли прятаться за светом. И голос, которого не должно быть, но который знает о смерти больше живых. Расследование ведет Талиссу туда, где прошлое становится опаснее настоящего, любовь — не слабостью, а доказательством, а мертвые оказываются куда честнее живых. Есть тайны, которые нельзя вскрыть скальпелем. Есть следы, которые ведут за грань. И есть доказательства, у которых нет пульса.

© Гурвальд Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золото на асфальте	5
Глава 2. Личный паразит	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юлия Гурвальд

Доказательство без пульса.

Глава 1. Золото на асфальте

«В мире нет случайностей, есть только неучтенные переменные. Если что-то кажется тебе хаосом, значит, ты просто не заметила скрытый в нем порядок». —Стив Нотрикс

Часть I. Математика соли и света

Майами никогда не спрашивал моего разрешения. Он просто врвался в окна, заполнял легкие влажным зноем и диктовал свои правила. Этот город был моим соавтором, писавшим мою жизнь сочными, почти кричащими красками: пронзительной бирюзой океана, от которой слезились глаза, слепящей белизной песка. И золотом. Оно сочилось из каждого рассвета, растекаясь по асфальту липким, драгоценным медом.

В детстве я пахла разогретым кокосовым маслом, соленой сахарной ватой и бесконечным летом. Мама, Мелани, часто говорила, что я — «вечный двигатель», упакованный в хрупкую форму фарфоровой куклы. Она видела во мне энергию, а я я видела структуру.

Иногда мне кажется, что все взрослые ошибались, когда называли мое детство счастливым. Счастье — слишком мягкое слово для того состояния, в котором я существовала. Мое детство было ярким, как операционная лампа: оно высвечивало каждый предмет, каждый жест, каждую трещину на безупречно покрашенной стене. В нем было тепло, смех, океан, мамины руки, от которых всегда пахло жасминовым кремом, и отцовский голос, способный разложить любой хаос на аккуратные столбцы причин и следствий. Но еще в нем была бесконечная необходимость замечать. Быть внимательной. Быть точной. Не упускать ни одной переменной, иначе реальность, как предупреждал отец, непременно предъявит счет.

Мне было семь, когда я впервые поняла, что люди лгут телом раньше, чем словами. Мама тогда взяла меня с собой в маленькую пекарню на углу Коллинз-авеню. Там продавали липкие булочки с корицей, от которых у нормальных детей должны были загораться глаза. У меня, разумеется, тоже загорелись, но не из-за сахара. За соседним столиком сидела женщина в соломенной шляпе и улыбалась мальчику лет пяти. Она гладила его по волосам, говорила что-то ласковое, но ее пальцы всякий раз замирали на долю секунды, прежде чем коснуться его макушки. Пауза была крошечной. Настолько крошечной, что ее можно было принять за случайность. Но я уже тогда ненавидела случайности.

— Она его боится? — спросила я у мамы, размазывая по тарелке растаявшую глазурь.

Мама не сразу ответила. Она повернула голову, проследила за моим взглядом и тихо вздохнула. Потом наклонилась ко мне так близко, что ее золотая сережка коснулась моей щеки.

— Не обязательно боится, Тали. Иногда люди боятся не человека, а того, что он в них будит.

Это было слишком сложное предложение для семилетней девочки. По крайней мере, так должны были считать нормальные взрослые, эти странные существа, убежденные, что дети не видят трещин, если им дать булочку. Но я запомнила не слова. Я запомнила паузу в пальцах той женщины. Маленькую полочку между намерением и действием. Позже я узнаю, что криминалисты называют это поведенческим маркером. Тогда я назвала это честностью тела.

Отец учил иначе. Если мама давала мне людей, то он давал мне системы. По воскресеньям мы сидели на террасе, и он раскладывал передо мной не куклы, а шахматные фигуры, банковские отчеты, газетные вырезки о падении акций и странные схемы движения денег, которые я тогда понимала не лучше, чем священные письма. Он не требовал, чтобы я запоминала названия компаний. Ему было важно другое: чтобы я научилась видеть, куда течет сила.

— Деньги, эмоции, власть, страх — это все потоки, — говорил он, двигая по столу серебряную пешку. — Большинство смотрит на то, что лежит на поверхности. Кто-то проиграл, кто-то выиграл, кто-то случайно оказался в нужном месте. Но за каждым событием есть вектор. Найди вектор — и ты поймешь событие.

Я смотрела на его длинные пальцы, на идеально подстриженные ногти, на тонкую сетку вен под загорелой кожей. Стив Нотрикс был человеком, который никогда не повышал голос, если мог разрезать собеседника тишиной. Он не казался жестоким. Просто в его мире сочувствие было величиной, которую можно допустить в уравнение только после того, как посчитаны риски. Мне понадобятся годы, чтобы понять, насколько опасным может быть такой порядок. Тогда же мне казалось, что отец дает мне карту выживания.

В школе моя странность долго маскировалась внешностью. Блондинка с идеальной улыбкой, ровной осанкой и слишком яркими глазами всегда получает от мира отсрочку. Учителя называли меня одаренной, девочки — заносчивой, мальчики — недоступной. Никто не называл меня испуганной. А я иногда была именно такой. Не потому, что меня обижали. Нет. Меня пугало количество незамеченных деталей. Мир был переполнен ими — до предела. Кто-то поправлял манжету после лжи. Кто-то смотрел на дверь раньше, чем решался уйти. Кто-то смеялся громче обычного ровно за секунду до слез. Я видела это и не знала, куда складывать.

В одиннадцать я нашла свой первый настоящий порядок в соли. Мы с мамой приехали на пляж слишком рано, когда туристы еще не успели испачкать песок пластиковыми стаканами и слишком громким счастьем. Я легла на живот у самой воды и стала смотреть, как волна отступает, оставляя тонкий влажный край. Солнце поднималось медленно, и там, где вода испарялась, появлялись крошечные белые кристаллы. Они рождались из хаоса и при этом подчинялись форме. Невидимая геометрия проявлялась прямо на коже земли.

Я присидела так почти час. Мама сначала пыталась позвать меня плавать, потом сдалась и просто села рядом.

— Что ты там нашла, золотая моя?

— Доказательство, — сказала я.

Она улыбнулась так, будто я снова произнесла что-то милое. Взрослые очень любят принимать истину за детскую причуду, видимо, так им проще не паниковать.

— Доказательство чего?

— Что порядок появляется, даже когда никто не смотрит.

Мама на мгновение замолчала. Потом провела рукой по моим волосам, и в этом движении не было паузы, как у женщины из пекарни. Только тепло.

— Тогда смотри внимательнее, Тали. Может быть, однажды ты увидишь то, что спасет кому-то жизнь.

Тогда я приняла это почти как благословение. Мне казалось, если смотреть достаточно внимательно, мир обязательно выдаст правильный ответ. Детская логика вообще милосердна: она еще не знает, что ответ может прийти слишком поздно или оказаться совсем не тем, который ты просила.

Сначала все было проще. Я собирала мертвых насекомых в прозрачные коробочки и подписывала их латинскими названиями, от которых папины знакомые умилялись, а мамыны подружки нервно смеялись. Я разглядывала крылья стрекозы под увеличительным стеклом и думала о том, что красота — это тоже инженерия, просто биологическая и без права на чертежи. Я могла часами смотреть, как муравьи обходят препятствие, строя новую линию движения, и чувствовала почти холодную ясность: даже паника колонии имеет маршрут.

В школе я была «Золотой девочкой», первой красавицей и капитаном команды поддержки с безупречной улыбкой. Трибуны ревели, когда я взлетала в воздух в вершине акробатической фигуры, но я была в другом измерении. В самый яркий момент финала чемпионата я поймала взгляд на своих помпонах. Пока девчонки наслаждались триумфом, я заворуженно

изучала химический блеск полимеров и то, под каким углом свет преломляется на каждой блестящей.

Мои тетради по физике пугали учителей. В то время как одноклассницы обсуждали наряды для выпускного, я в тишине библиотеки пыталась понять, почему кровь засыхает узором, напоминающим ветви деревьев, и как долго сохраняется тепло в закрытом пространстве.

В тринадцать я впервые оказалась в настоящей лаборатории. Отец привел меня на благотворительный прием в университет, где один из его клиентов финансировал новый корпус медицинских исследований. Взрослые пили белое вино, обсуждали пожертвования и делали вид, что их интересует наука, хотя на самом деле их интересовали только фамилии на табличках у входа. Я сбежала от них в коридор, ведомая запахом спирта, металла и холодной пластмассы.

За стеклом лаборатории стояли микроскопы. Белые столы блестели так чисто, будто на них никогда не ложилась человеческая ошибка. Один из аспирантов, молодой парень с усталым лицом и пятном кофе на рукаве халата, заметил меня и зачем-то пустил внутрь. Возможно, ему стало скучно. Возможно, ему показалось забавным показать богатой девочке, как выглядит настоящая работа. Люди часто совершают судьбоносные поступки из-за скуки, и это многое объясняет в нашей цивилизации.

Он дал мне посмотреть препарат крови. Красные клетки плыли в световом круге, как маленькие планеты, и я впервые почувствовала, что человеческое тело можно читать. Не как тайну, а как текст. Там были формы, пропорции, отклонения, следы. Каждая клетка рассказывала, что с ней произошло, даже если ее хозяин молчал.

— Нравится? — спросил аспирант.

Я не ответила сразу. Мне хотелось сказать, что это не вопрос вкуса. Это было узнавание. Как будто кто-то наконец показал мне язык, на котором мир говорил все это время.

— Да, — сказала я. — Здесь никто не может соврать.

Он рассмеялся, решив, что это остроумно. Я же была абсолютно серьезна.

С тех пор все стало неизбежным. Физика, химия, биология, криминалистика. Пока другие девочки выбирали, какой блеск для губ подходит, я выбирала, какое увеличение нужно для волокна на ткани. Мама тревожилась, но не мешала. Отец гордился, но делал это молча, как будто похвала могла нарушить мой внутренний баланс. А я все глубже уходила в мир, где правда не кричала, не умоляла, не притворялась. Она просто оставляла след.

И все же где-то под всеми формулами, под солевыми кристаллами, под микродвижениями и шахматными векторами оставалась девочка, которая верила маме. Верила, что, если смотреть достаточно внимательно, можно спасти. Отца я понимала разумом. Маму — кожей. И, наверное, именно поэтому во мне так долго уживались лед и свет.

Часть II. Университет: Вспышка неона и запах кедра

Тот день в Майами был пропитан ароматом свежескошенной травы, солёного бриза и той звенящей студенческой свободы, которую чувствуешь только в двадцать лет. Казалось, весь мир — это огромный черновик, который я вот-вот превращу в шедевр.

Я, как всегда, была воплощением организованного хаоса. Мои волосы, растрепавшиеся от бега, хлестали по лицу, а к груди я прижимала целую кипу папок. В голове пульсировала только одна мысль: «Успеть. Только бы успеть на вводную лекцию по биохимии». Для меня опоздание было равносильно нарушению физического закона.

Я рывком распахнула массивные дубовые двери корпуса, уверенная, что влетаю на кафедру судмедэкспертизы. Я не успела затормозить и на полном ходу впечаталась в кого-то высокого и пугающе твёрдого, как гранитная скала. Мои папки выскользнули из рук. Листы взлетели в воздух, словно стая испуганных белых птиц, и начали медленно, почти издевательски оседать на кафельный пол.

Один из листков — с крупным заголовком «Методы секционного исследования» — приземлился прямо на ботинок незнакомца.

— Воу, осторожнее, золото, — раздался над моей головой бархатный голос с лёгкой, почти ласковой усмешкой. Он мазнул взглядом по тексту у своих ног и снова посмотрел на меня. — Ты так спешишь на вскрытие, что сама едва не стала экспонатом для наших архитекторов.

Я замерла, пытаясь выровнять дыхание, и медленно вскинула голову. Перед моим взором предстал парень, который, казалось, вобрал в себя всё дерзкое обаяние этого города. Пронзительный взгляд темных глаз за тонкими стеклами очков в стильной темной оправе, в которых плясали чертики, и та самая самоуверенная улыбка — это был Фрэдэрик Дэш. Рик.

— Я я ищу четыреста вторую аудиторию, — выдохнула я, безуспешно пытаясь убрать со лба непослушную светлую прядь. Мои руки слегка дрожали — то ли от бешеного бега, то ли от того, как этот незнакомец продолжал смотреть на меня, словно изучал редкий минерал под солнечным светом.

Рик прищурился, разглядывая моё растерянное лицо. Он медленно наклонился, поднял один из моих листков с формулами и протянул его мне, задержав свои пальцы на моей руке на секунду дольше, чем того требовали приличия.

— Вам точно на судмедэкспертизу, блонди? — его голос стал тише, глубже. — Потому что это — логово архитекторов. Мы тут проектируем будущее, чертим линии жизни, а не препарируем прошлое.

— Я просто я ошиблась дверью, — пробормотала я, чувствуя, как к щекам приливает обжигающий жар. Его близость выбивала из меня всю мою хваленую логику.

— О нет, ты не ошиблась, — Рик мягко взял меня под локоть, разворачивая в сторону выхода. — Ты просто выбрала самый живописный маршрут. Пойдем, я провожу тебя, а то ты в своем стремлении к науке снесешь еще пару будущих зодчих.

Он не просто указывал дорогу — он вел меня через внутренний дворик, нарочно замедляя шаг, словно хотел растянуть эти секунды до бесконечности. Мы шли по аллее, и я впервые за долгое время не считала минуты до начала лекции. У старой, увитой густым изумрудным плющом арки он остановился и коснулся рукой шершавого, прогретого солнцем камня.

— Посмотри на это, — прошептал он, и в его голосе было столько искреннего восторга, что я невольно засмотрелась на его профиль. — Это моё любимое место в кампусе. Идеальные пропорции. Знаешь, арке нужен правильный угол падения света, чтобы она перестала быть просто грудой камней и стала искусством.

Он повернулся ко мне, и в этот момент солнце Майами, пробиваясь сквозь листву, поймало мои волосы, заставляя их сиять ослепительным нимбом.

— Прямо как ты сейчас, — добавил он почти шепотом.

У входа в мой корпус он наконец отпустил мою руку, но продолжал стоять так близко, что я чувствовала запах его парфюма — дурманящую смесь кедра и свежего ветра.

— Меня зовут Фрэдэрик, для друзей Рик. А тебя? Мне бы очень хотелось запомнить этот день вместе с твоим именем, — он улыбнулся, и в уголках его глаз собрались лучистые морщинки.

— Талисса. Тали.

— Тали — он на мгновение замолчал, внимательно глядя в моё лицо, словно искал в нём подсказку. — Что ж, Тали, ты должна мне кофе за эту экскурсию. Сегодня в пять у центрального фонтана. И не вздумай снова потеряться во времени или пространстве. Я буду ждать.

И я знала, что приду. Потому что впервые в жизни нашла переменную, которую мне не хотелось вычислять. Мне хотелось ею дышать.

В пять вечера центральный фонтан университета выглядел так, будто кто-то щедро вылил в воду расплавленное золото. Закат цеплялся за каждую каплю, за мокрый камень, за бронзовые плечи статуи в центре чаши, и весь кампус на несколько минут становился невозможным — слишком красивым, чтобы ему можно было доверять. Я пришла на семь минут раньше. Разумеется. Опоздание нарушало не только приличия, но и мою внутреннюю систему координат, а она и так пошла трещинами после столкновения с Фрэдэриком Дэшем, человеком, который говорил так, будто мир обязан был подстроиться под его улыбку.

Я стояла у фонтана с учебником биохимии в руках и делала вид, что читаю. На самом деле я уже третий раз смотрела на одну и ту же схему метаболизма глюкозы, не понимая ни слова. Мой мозг, обычно дисциплинированный как лабораторный журнал, вел себя отвратительно: вместо ферментов подсовывал мне темные глаза Рика, вместо формул — его пальцы на моей руке, вместо логики — фразу «ты должна мне кофе». Нервная система явно нуждалась в выговоре.

— Ты пришла, — раздалось сбоку.

Я подняла глаза. Рик стоял в нескольких шагах, держа два бумажных стакана и пакет с чем-то, от чего пахло корицей. На нем была белая рубашка с закатанными рукавами, темные джинсы и выражение человека, которому мир только что подтвердил его любимую теорию: если быть достаточно нахальным, реальность сдастся.

— Я всегда выполняю обязательства, — сказала я. — Даже сомнительные.

— Сомнительные обязательства — самые честные. Они хотя бы не притворяются добродетелью.

Он протянул мне стакан. На крышке черным маркером было написано «Тали, которая не ошиблась дверью». Ниже кто-то, видимо сам Рик, нарисовал маленькую стрелку и подпись: «временный сбой навигации».

— Ты подписал мой кофе?

— Я архитектор. Мне положено маркировать важные объекты.

Я хотела ответить что-нибудь холодное и острое, но вместо этого улыбнулась. Совершенно непрофессионально, мимолетно, вопреки всем моим правилам. Если бы я вела это дело, я бы занесла себя в список главных подозреваемых — за потерю бдительности. Тогда я еще не знала, что улыбка — это тоже улика. Она доказывает, что защита пала.

Мы сели на край фонтана. Вода шумела за спиной, студенты проходили мимо, кто-то смеялся слишком громко, кто-то спорил о расписании, кто-то целовался под пальмой с обреченной уверенностью людей, которым еще не объяснили статистику расставаний. Рик разломил булочку с корицей и протянул мне половину.

— Итак, Талисса, будущая повелительница трупов и микроскопов. Почему судмедэкспертиза?

— Криминалистика, — поправила я. — И потому что мертвые честнее живых.

Он не рассмеялся. Большинство людей рассмеялись бы или сделали бы то вежливое лицо, которым прикрывают растерянность. Рик лишь наклонил голову, как будто я показала ему интересный чертеж.

— Значит, тебе нужен мир, где вещи можно доказать.

— А тебе нет?

— Мне нужен мир, который можно построить так, чтобы он не рухнул. Это близко, но не то же самое.

Я посмотрела на него внимательнее. В ярком университетском дворе он должен был казаться легкомысленным: красивый, самоуверенный, слишком обаятельный для собственного же блага. Но за этой легкостью была дисциплина. Я видела ее в том, как он держал стакан, не проливая ни капли, как мгновенно замечал трещины в плитке, неправильный наклон ска-

мейки, слишком яркий блик на стекле соседнего корпуса. Рик не просто смотрел на мир. Он оценивал несущие конструкции реальности.

— Мой отец говорит, что в хаосе всегда есть порядок, — сказала я.

— Умный человек.

— Он банкир.

— Тогда еще и опасный.

Я впервые за день рассмеялась по-настоящему. Рик посмотрел на меня так, будто этот звук что-то в нем сдвинул.

— Что? — спросила я, мгновенно насторожившись.

— Ничего. Просто ты смеешься иначе, чем говоришь.

— Это что еще значит?

— Когда говоришь, ты, будто ставишь точки на карте. Точно, строго, без права на ошибку. А когда смеешься, все линии вдруг становятся живыми.

Я отвернулась к фонтану, чувствуя, как жар поднимается к скулам. Мое тело предательски сообщало миру данные, которые я не планировала раскрывать.

— Ты всегда так разговариваешь? — спросила я. — Как будто рекламируешь закат элитному застройщику?

— Нет. Обычно я хуже.

Он достал из кармана карандаш и начал что-то чертить на салфетке. Сначала это казалось абстрактной сеткой линий, но через несколько секунд из них проступил контур арки, той самой, у которой мы остановились днем. Быстрый набросок, несколько уверенных штрихов, тени под углом, и бумажная салфетка внезапно стала почти живой.

— Видишь? — он наклонился ко мне ближе. — В хорошей арке главное не камень, а доверие. Каждый элемент давит на другой, но именно это давление держит форму. Убери одну часть — и вся красота превращается в грудку щебня.

— В теле то же самое, — сказала я, забыв о смущении. — Давление, равновесие, компенсаторные механизмы. Жизнь — это постоянный договор тканей не разваливаться.

— Звучит романтично.

— Это звучит биологически достоверно.

— Вот за это я и хочу второй кофе.

— Первый еще не закончился.

— Я планирую будущее, золото. Архитекторы этим грешат.

Я должна была закатить глаза. Наверное, я так и сделала. Но еще я взяла салфетку с аркой и аккуратно сложила ее пополам, хотя бумага была тонкая и пятно от кофе уже расплзлось по углу, Рик заметил это и ничего не сказал. Просто улыбнулся — не победно, не самодовольно, а тихо, как человек, который увидел, что его линия дошла до адресата.

Мы говорили до темноты. О его детстве в Атланте, о моих родителях, о том, почему Майами невозможно нарисовать прямыми линиями и почему трупы рассказывают правду медленнее, чем живые, но надежнее. Он признался, что иногда фотографирует старые здания перед сносом, потому что ему кажется преступлением не сохранить их последнюю форму. Я сказала, что преступление — это когда след уничтожают намеренно. Он ответил, что в архитектуре это называется реконструкцией под интересы инвестора, и впервые в его голосе прозвучала злость.

— Ты ненавидишь ложь в зданиях, — сказала я.

— Я ненавижу фальшивый фундамент. Когда сверху мрамор, а внутри гниль. Рано или поздно оно давит людей.

В тот момент я должна была запомнить эту фразу как предупреждение. Но я запомнила только его глаза и то, как ветер поднял прядь его волос. Видимо, даже аналитический ум имеет баги. Особенно если баг пахнет кедром и корицей.

Когда мы, наконец, встали, кампус почти опустел. Фонари включились один за другим, бросая на дорожки желтые круги света. Рик проводил меня до корпуса, где у меня должна была быть вечерняя лабораторная. У двери он остановился, не касаясь меня, но стоя так близко, что, между нами, будто натянулась тонкая проводящая нить.

— Тали, — сказал он. — Можно я украду у тебя еще один вечер?

— Это формулировка признания в преступном намерении.

— Отлично. Значит, ты компетентна оценить масштаб ущерба.

— Завтра в шесть, — сказала я раньше, чем успела взвесить риски.

Он улыбнулся. И в этой улыбке было столько света, что я, будущий эксперт по смерти, впервые испугалась не потери, а возможности.

Позже я много раз возвращалась к тому вечеру: к фонтану, к мокрому камню, к салфетке с аркой, которую я хранила в учебнике по биохимии, пока кофе не сделал на ней некрасивое бурое пятно.

Не потому, что там прятался ответ. Просто некоторые воспоминания становятся опорными точками, даже если ты узнаешь это намного позже.

Каждый элемент давит на другой, но именно это давление держит форму. Я тогда еще верила, что, если научиться видеть форму безошибочно, жизнь станет безопаснее. Юная самоуверенность, конечно, заслуживает отдельного протокола.

Часть III. Быт двух гениев

Вечер у фонтана стал точкой отсчета. После него все развивалось стремительно, почти пугающе естественно: Рик чертил на салфетках и запотевших стаканах схемы будущих зданий, а я объясняла ему, почему угол входа пули в баллистический гель важнее, чем калибр оружия. Именно тогда, под шум воды и рокот вечернего Майами, я поняла: я нашла человека, который видит в хаосе ту же геометрию, что и я.

Наша любовь была стремительной и ослепительной. После университета мы сняли крошечную квартиру — затопленный светом чердак, где на одном столе соседствовали мой микроскоп и его макеты из пенокартона.

Помню один из наших вечеров. Шторм за окном пытался выбить стекла, а мы сидели на полу среди чертежей. Рик работал над проектом своего «Дома Света». Он выглядел как безумный творец: растрепанные темные волосы, пятно от карандаша на щеке и этот взгляд, устремленный куда-то за пределы физических стен.

— Тали, посмотри на эту линию, — он протянул мне блокнот. — Здание должно быть честным. От самого фундамента до шпиля. Если ты спрячешь гнилую балку под слоем штукатурки, дом всё равно умрет. Он будет «болеть», пока не рухнет.

Я улыбнулась, не отрываясь от окуляра микроскопа.

— В криминалистике это называется «скрытый дефект», Рик. Правда всегда выходит наружу, даже если она замурована в бетон.

Он внезапно замер, а потом вытащил из-за уха свой любимый карандаш и протянул его мне.

— Держи. Это 2H. Самый твердый графит, который я нашел. Он не размазывается и оставляет след, который почти невозможно стереть без следа. Как твои выводы в отчетах. Используй его, когда будешь писать нашу историю. Только четкие линии, золото. Никакой серой зоны.

Я взяла карандаш, чувствуя его идеальный баланс в руке. Рик всегда утверждал, что мои волосы — это самая сложная и прекрасная архитектурная форма. В тот вечер он рисовал мой профиль на полях схемы несущих конструкций, а я зачитывала ему отрывки из учебника по токсикологии.

Мы быстро переросли наш чердак. Фрэдэрик получил свой первый крупный заказ, а я — постоянное место в лаборатории. Мы вложили всё, что у нас было, в старый дом на окра-

ине Корал-Гейблс. Рик называл его «нашим чистым холстом». Он сам срывал старые обои и переносил стены, превращая дряхлое здание в архитектурный шедевр. Полгода мы жили среди коробок и строительных лесов, засыпая под запах кедровой стружки и мечтая о том, каким будет наше общее завтра.

Именно в один из таких вечеров, когда на Майами опускались бархатные сумерки, он встал на одно колено. Мы были в нашей недостроенной гостиной, где вместо мебели стояли рулоны чертежей, а под ногами хрустела строительная пыль. Пахло свежей штукатуркой и грядущим счастьем. Кольцо сверкало в свете единственной голой лампочки, которая сиротливо свисала с оголенного провода под потолком.

— Я хочу построить для нас мир, где переменные всегда будут на нашей стороне, — прошептал он.

Я сказала «да» раньше, чем он закончил. Тогда я верила, что наше «навсегда» — это не громкое слово, а форма, которую можно удержать точными линиями, терпением и любовью.

Вечер на черновике дома

За неделю до свадьбы наш дом в Корал-Гейблс выглядел как место преступления, совершенное бригадой дизайнеров, страдающих манией величия. По полу тянулись провода, у стены стояли банки с краской, на лестнице лежали рулоны обоев, а в центре гостиной Рик устроил импровизированный штаб из чертежей, карандашей и кружек с остывшим кофе.

Я вернулась из лаборатории поздно. На мне все еще держался запах антисептика, металла и чужих историй, которые заканчиваются слишком тихо. Рик утверждал, что чувствует этот запах только потому, что у него «архитектурно развитое воображение» и нос человека, обреченного любить судмедэксперта.

— Ты опять ела кофе вместо ужина? — спросил он, не поднимая головы от чертежа.

— Кофе не едят.

— Ты способна доказать обратное, если дедлайн достаточно близко.

Я бросила сумку на коробку с его макетами, за что была немедленно награждена взглядом человека, у которого на глазах осквернили храм.

— Осторожнее, Нотрикс. Там несущая модель гостевого крыла.

— У нас нет гостевого крыла.

— Пока.

— Фрэдэрик, у нас нет даже нормальной кухни. Из бытовой техники стабильно работает только чайник, и то потому, что боится тебя разочаровать.

Он отложил карандаш и наконец посмотрел на меня. В его глазах был тот самый усталый, теплый свет, от которого мой внутренний холод начинал вести себя непрофессионально.

— Иди сюда, — сказал он.

— Я пахну формалином.

— Я пахну строительной пылью. У нас романтическая совместимость токсичных веществ.

Я села рядом. Несколько минут мы просто молчали, слушая, как где-то в стене покашливает старая труба. Дом дышал неровно, как больной зверь, но Рик верил, что сможет его вылечить. В этом была одна из самых раздражающих и прекрасных его черт: он верил в ремонт там, где я уже мысленно составляла протокол разрушения.

На столе лежал новый рисунок. Не технический чертеж и не схема коммуникаций. Это была наша будущая гостиная, но не строгая и вымеренная, а живая: у окна — мой стол, рядом — его кресло, на стене — полки с книгами, а в углу — высокий кактус в керамическом горшке.

— Это что за колючий гражданин? — спросила я.

— Наш первый совместный питомец.

— Растение не питомец.

— С твоим характером кактус — идеальный компромисс между флорой и охранной системой.

Я хотела возразить, но вместо этого рассмеялась. Дом, заваленный коробками, вдруг перестал казаться недостроенным. Он стал черновиком жизни, в котором еще можно было переносить стены, ошибаться с цветом краски и спорить о растениях, не опасаясь, что от неверной линии рухнет всё здание.

Рик подвинул ко мне лист.

— Здесь будет свет, — сказал он, показывая на окно. — Утренний. Он будет падать под углом, который делает пыль видимой, но красивой. Ты будешь злиться, потому что пыль — это нарушение санитарного режима, а я буду говорить, что это доказательство жизни.

— Я разведусь с тобой на третий день.

— Не успеешь. Я спрячусь за кактусом.

Я ударила его плечом. Он поймал мою руку и поцеловал костяшки пальцев — быстро, почти буднично, будто ставил маленькую подпись под нашим хаосом.

Поздно ночью он уснул прямо на полу среди чертежей. Я накрыла его старым пледом и еще долго смотрела на рисунок гостиной. Там была пыль, свет, кактус и два рабочих стола, поставленных рядом. Ничего грандиозного. Просто обещание, которое выглядело настолько настоящим, что я позволила себе в него поверить.

На следующий день мама привезла образцы ткани для скатертей, потому что Мелани Нотрикс могла пережить политический кризис, ураган и сломанный кондиционер, но не могла пережить неправильный оттенок молочного льна. Она вошла в наш недостроенный дом с таким видом, будто стены обязаны немедленно выпрямиться из уважения к её списку дел.

— Талисса, — сказала она, ставя коробки прямо на пол, где Рик за час до этого размечал линию будущей перегородки. — Если ты сейчас скажешь мне, что тебе всё равно, какие салфетки будут на столах, я притворюсь, что не родила тебя.

— Мне всё равно, какие салфетки будут на столах.

Рик за моей спиной издал звук человека, который стал свидетелем семейного самоубийства и не успел закрыть глаза.

Мама медленно повернулась к нему.

— Фрэдэрик, скажи моей дочери, что у свадьбы есть эстетическая ответственность перед обществом.

— Я архитектор, Мелани. Я признаю ответственность формы перед пространством.

— Не умничай, милый, ты мне нравишься.

Он приложил руку к сердцу.

— Я польщен и напуган.

Я стояла среди коробок с тканями, строительной пылью и будущего брака, ощущая себя человеком, которого насильно втянули в ритуал древней цивилизации. Мама раскладывала образцы на подоконнике, шурилась на свет, сравнивала оттенки и говорила о них так серьезно, будто от выбора между «слоновой костью» и «теплым шампанским» зависела устойчивость мировой экономики. Рик слушал с уважительным лицом, хотя я видела, как у него дергается уголок губ.

— Вот этот, — сказал он наконец, указывая на ткань чуть золотистого оттенка.

— Почему? — спросила мама.

— Он ловит свет, но не спорит с ним.

Мама замерла. Потом посмотрела на меня таким взглядом, будто только что получила научное доказательство, что я не окончательно испортила свою жизнь.

— Оставляем жениха, — объявила она.

Я наблюдала за ними и внезапно почувствовала странное давление под ребрами. Не тревогу. Не предчувствие. Что-то более редкое и поэтому подозрительное: покой. Мама спорила с Риком о сервировке, папа должен был приехать позже с какими-то документами по дому, а я стояла между ними и думала, что, возможно, нормальная жизнь выглядит именно так. Не как идеальная тишина, не как безупречный порядок, а как люди, которые шумят в твоём доме и не разрушают его этим шумом.

Позже приехал отец. Стив Нотрикс появился в дверях в светлом костюме, держа в руках папку и букеты для мамы и меня. Он окинул взглядом провода, банки с краской, Рика на стремянке и меня с рулеткой в руке.

— Здесь как будто взорвали склад со строительным мусором, — констатировал он.

— Это называется ремонт, пап.

— Рациональные люди стараются обходить это явление стороной.

Рик спустился со стремянки и протянул ему руку. Отец пожал её крепко, без театральной дружелюбности, но я увидела, как он задержал взгляд на чертежах. Папа уважал точность, даже если она была испачкана строительной пылью.

— Фрэдэрик, — сказал он. — Я посмотрел ваши расчеты по нагрузке старой балки. Консервативно.

— Надеюсь, это комплимент.

— В моем исполнении — почти признание в любви.

Рик рассмеялся. Отец не улыбнулся, но его глаза на секунду стали теплее. И я вдруг поняла, что эти двое говорят на одном языке, просто один строит здания, а другой — финансовые системы. Оба верили, что мир можно удержать, если вовремя заметить слабое место. В тот день это казалось не угрозой, а наследством.

Вечером, когда родители уехали, дом снова стал тихим. Но тишина уже не была пустой. В ней оставались голоса, смех Рика, запах маминых духов и отцовская сухая похвала, оставленная в воздухе как редкая подпись.

— Ты опять анализируешь счастье как состав неизвестного вещества, — заметил Рик.

— Профессиональная деформация.

— И какие результаты?

Я подошла к нему, положила ладони на его пыльную футболку и впервые за день не стала прятаться за логикой.

— Вещество нестабильное. Но перспективное.

Он улыбнулся и поцеловал меня так бережно, будто счастье действительно можно было повредить резким движением.

Часть IV. Кольца на раскалённом асфальте

До нашей свадьбы оставалось всего три дня. Утро в управлении полиции Майами началось как обычно: вязкий, пропитанный влажностью воздух, гул кондиционеров, пытающихся победить тропический зной, и бесконечный стук клавиш.

Я сидела за своим столом, заполняя отчеты, но сегодня мой внутренний метроном сбоил. Я чувствовала это кожей — странное, колючее беспокойство, которое не укладывалось ни в одну логическую цепочку. Мой взгляд постоянно соскальзывал на часы: 11:14. Время тянулось, как густая патока.

— Тали, ты чего зависла? — Шэйн Грэйшэдоу бесцеремонно оперся на мой стол, обдав меня запахом латте и самоуверенности.

— Фил ищет тебя. Говорит, там какая-то мелочь в Корал-Гейблс, обычная кража. Прокатимся?

Я посмотрела на него, и вдруг мне стало холодно. На улице было плюс тридцать пять, солнце палило так, будто хотело выжечь город дотла, а у меня по позвоночнику стекал ледяной пот.

— Всё в порядке, Тали? — Шэйн нахмурился, заметив мою бледность.

— Просто жара, Грэйшэдоу, — отрезала я.

— Поехали. Чем быстрее закончим с этой кражей, тем быстрее я уйду домой.

Мы выехали в город. Майами в тот полдень был издевательски прекрасен. В воздухе перемешивались тяжёлые ароматы дорогого парфюма, океанской соли и едкого бензина. Но предчувствие не отпускало. Это было похоже на математическую ошибку в уравнении, которое всегда сходилось — одна лишняя цифра, один неучтенный градус.

Я стояла на месте вызова — скучная, будничная работа в богатом районе города. Шэйн крутился рядом, поправляя свои идеальные волосы, пока я механически фиксировала отпечатки на окне.

Телефон в кармане пиджака коротко завибрировал. Я мазнула пальцем по экрану, и на моих губах расцвела та самая настоящая улыбка, которую видел только Рик.

«Забрал наших прелестей. Ты будешь самой красивой миссис Нотрикс-Дэш. Буду ждать дома, золото. Люблю тебя».

Я на мгновение прикрыла глаза. В моем воображении я видела его так четко: Рик выходит из ювелирного, щурясь от слепящего солнца, а в руках — та самая маленькая темно-синяя коробочка с нашими кольцами. Две окружности. Два обещания. Наш общий пропуск в вечность.

В эту секунду холод, мучивший меня всё утро, достиг апогея. Он превратился в острую иглу, вонзившуюся в сердце. Я поняла: переменная, которую я так боялась не заметить, уже вошла в систему.

Мир разлетелся вдребезги через секунду. Рация на плече Шэйна взорвалась паническими хрипами:

— Код три! Стрельба у Нацбанка! Раненые! Срочно скорую и криминалистов!

У меня внутри что-то оборвалось ещё до того, как диспетчер успел выдохнуть адрес. Кровь мгновенно отхлынула от лица, оставив звенящую пустоту. Это была та самая улица. Тот самый ювелирный.

Уравнение моей жизни было решено. И ответом была смерть.

Когда мы затормозили у жёлтых лент, мир для меня потерял звук. Реальность схлопнулась в немое кино. Я видела, как открываются рты полицейских, как жестикулирует Шэйн, как в толпе блестит пот, но слышала только ровный белый шум в такт мигалкам.

Воздух над асфальтом дрожал от зноя, но, когда я вышла из машины, меня обдало арктическим холодом. Я шла вперед, отодвигая ленту, и взгляд сам выхватил знакомую льняную рубашку. Ту самую, которую я помогала ему выбирать.

Мозг, пытаясь спастись, включил холодный протокол. Чувства исчезли. Остались факты.

Рик лежал на спине, раскинув руки, словно пытался обнять это равнодушное небо. Волосы слиплись от пыли. Очки остались на месте, лишь слегка съехали на переносицу. Линзы были целыми и отражали ослепительное небо Майами. Зрачки не реагировали на свет. Он больше не узнавал меня. Он стал объектом.

Одна пуля. Калибр .45. Рикошет от мраморной колонны под идеальным углом. Вход точно в сердце. Никаких лишних повреждений.

Рядом с его рукой, в густеющей крови, лежали оба кольца. Они выкатились из синей коробочки и сверкали на солнце так ярко, что мне впервые захотелось ослепнуть.

Я опустила на колени прямо в кровь. Кольца были горячими от солнца и его медленно уходящего тепла. Последнее тепло Рика, которое я успела почувствовать.

Я не кричала. Не плакала. Только смотрела на скол на мраморе, на точку, где мир дал трещину.

В ту секунду солнечная девочка во мне умерла. Остался механизм, одержимый переменными.

Если бы я знала траекторию. Если бы учла ветер. Если бы была там на две секунды раньше. Но математика не знает сослагательного наклонения. Она знает только результат.

После выстрелов у Нацбанка меня официально отстранили от работы на месте происшествия через четырнадцать минут. Не потому, что я мешала. Я не мешала. Я была слишком тиха, слишком точна, слишком полезна. Именно это и напугало людей больше всего. Женщина, стоящая на коленях в крови жениха и диктующая угол рикошета, нарушает общественный договор о том, как должно выглядеть горе. Люди готовы терпеть слёзы, крики, обмороки, даже бессвязные проклятия в адрес неба. Но профессиональная фиксация фактов на границе личного апокалипсиса кажется им неприличной. Как будто смерть обязана сопровождаться корректным спектаклем.

Фил первым сказал мне встать. Его голос прорезал белый шум мигалок, и я послушалась не сразу. Я смотрела на скол мраморной колонны: маленькая белая рана в камне, от которой к асфальту тянулась серая пыль.

— Тали, — сказал Фил. — Посмотри на меня.

Я не посмотрела. Мой разум вцепился в геометрию, потому что геометрия хотя бы не просила у меня чувств. Колонна. Угол. Траектория. Тело Рика. Кольца в крови. Солнце, слишком яркое для такого дня.

— Это место преступления, — произнесла я чужим голосом.

— Знаю.

— Я должна работать.

Фил опустил передо мной на корточки. Он не стал отнимать у меня пинцет, не стал говорить, что я не в состоянии. Просто закрыл собой толпу, камеры и чужие лица.

— Сейчас здесь работают другие эксперты. Ты не обязана быть механизмом каждую секунду.

Я хотела возразить. Правда хотела. Но во мне не осталось ни силы, ни злости, только пустой холод, в котором даже слова двигались медленно.

Дальше были вопросы. Неофициальные сначала, потом официальные, потом снова неофициальные, уже в кабинете Филя, где кондиционер дул слишком сильно, а на стене висела фотография полицейского выпуска двадцатилетней давности. На ней Фил был моложе и улыбался так, будто еще верил в простые ответы.

— Я должна увидеть баллистику, — сказала я.

— Увидишь, когда сможешь читать отчет, а не собственную рану между строк.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я могу дать человеку, потерявшему жениха два часа назад.

Он говорил спокойно. Почти мягко. И именно это тогда удержало меня от того, чтобы развалиться окончательно. Человеческая психика, как оказалось, способна цепляться даже за чужой голос, если свой внутренний уже сорван до крови.

Предварительная версия звучала просто: ограбление у банка, хаотичная стрельба, ответный огонь охраны, рикошет от мраморной колонны. Страшная случайность. Нелепая, невозможная, но всё же случайность. В этом объяснении было достаточно фактов, чтобы оно не рассыпалось сразу, и достаточно пустот, чтобы я ненавидела его всей кожей.

— Ты ищешь виноватого, потому что иначе боль некуда положить, — сказал Фил.

— Я ищу порядок.

— Иногда порядок выглядит как трагедия.

Я промолчала. Тогда я не была готова спорить с человеком, который держал мою чашку воды, подписывал бумаги, не давая мне смотреть на них слишком долго, и отгонял от двери журналистов, как отгоняют мух от открытой раны.

На следующий день Фил принес предварительный отчет. Я прочитала его три раза. Формулировки были безупречны: «случайная траектория», «отсутствие признаков направленного воздействия», «несчастное совпадение». Я ненавидела каждое слово не потому, что могла доказать ложь, а потому, что не могла доказать ничего.

Это было хуже. Эксперт без доказательств — просто человек, который кричит в пустую комнату. А я уже тогда решила, что кричать не буду.

Я подписала ознакомление с отчетом сухими пальцами. Роспись получилась ровной. Почти красивой. Мой первый настоящий акт предательства самой себя выглядел аккуратно, как и положено служебному документу.

Фил положил ладонь мне на плечо.

— Я рядом, Лисичка.

В тот момент я поверила ему. Не потому, что была глупой. Потому что слишком сильно хотела, чтобы хоть кто-то в этом городе оказался рядом без скрытого счета.

Я знала только одно: мой мир перестал быть живым. И если мир стал моргом, я стану его лучшим экспертом.

Похороны в Майами — это извращенная шутка природы. В этом городе смерть не имеет права на приглушенные тона. Солнце палило так же нещадно, как и в день его гибели, заставляя черную ткань костюмов поглощать тепло, превращая кладбище в раскаленную духовку.

Я стояла у края ямы, и мой мозг, верный своему новому режиму, фиксировал данные. Глубина — два метра. Состав почвы — песок и известняк. Скорость оседания пыли на лакированной крышке гроба — минимальная.

— Держись, Тали, — прошептал Фил Кэррол.

Его ладонь легла мне на плечо, тяжелая и холодная, как свинцовая плита. Я чувствовала, как его пальцы едва заметно подрагивают. Тогда мой мозг, отчаянно цеплявшийся за остатки логики, классифицировал это как «искреннюю скорбь». Я верила в то, что Фил любил Рика — или, по крайней мере, тот идеальный архитектурный проект будущего, который Рик олицетворял.

Но я не могла ответить на этот жест. Моя нервная система перешла в режим изоляции. Тело превратилось в идеальный диэлектрик: материал, который больше не проводил ни чужого тепла, ни собственного сочувствия. Я была просто датчиком, фиксирующим давление его руки на мою черную ткань, пока мир вокруг окончательно терял проводимость.

Запах лилий и роз был повсюду. Одурачивающий, приторный, он смешивался с ароматом дорогого мужского парфюма и выхлопными газами проезжающих за оградой машин. Теперь этот запах навсегда закрепился в моем сознании как маркер разложения — не только биологического, но и личного.

Когда первая горсть земли ударила о дерево, звук был сухим и коротким. Тук. Математическая точка в конце предложения. Коллеги из управления проходили мимо, их лица были смазаны, как на неудачном снимке. Они говорили слова, которые не имели веса. «Он был лучшим», «Такая трагедия», «Время лечит».

— Время не лечит, — произнесла я вслух, и мой голос прозвучал так странно и плоско, что стоявший рядом Шэйн вздрогнул.

— Время просто увеличивает энтропию. Распад продолжается, пока не достигает стабильного состояния.

Шэйн посмотрел на меня с плохо скрываемым ужасом. Он ждал слез, истерики, красивого женского горя, которое можно утешить. Но перед ним стоял механизм.

Я смотрела, как гроб медленно исчезает под слоем рыжеватой земли. В этот момент я поняла, что «Дом Света», который Рик так и не достроил, теперь сжался до этих размеров. Один на два с половиной метра. Идеальная геометрия финала.

Когда всё закончилось, я просто развернулась и пошла к своей машине, чувствуя, как песок Майами скрипит на зубах. В тот день я похоронила свою последнюю иллюзию о том, что порядок в этом мире можно восстановить. С этого момента существовали только переменные и работа.

Первые семь дней прошли в густом, сером тумане, сквозь который реальность проступала резкими, болезненными вспышками. Я помню похороны лишь как набор визуальных стимулов: удушливый, приторный запах лилий и роз и фальшивое сочувствие в глазах коллег, которое ощущалось как липкая грязь на коже. Фил Кэррол постоянно был рядом; он держал меня за плечо, и его рука казалась мне непомерно тяжёлой, словно отлитой из свинца, придавливая меня к этой сырой земле.

Я не смогла вернуться в наш дом в Корал-Гейблс. Тот чистый холст, на котором Рик собирался нарисовать нашу жизнь, превратился в надгробную плиту. Каждый недостроенный проем, каждая горка строительной пыли, даже голая лампочка в гостиной кричали о том, чего никогда не случится.

На следующий день после похорон я выставила недострой на продажу. Без торга. Мне нужно было, чтобы это место исчезло из моей реальности.

Всё, что осталось, уместилось в картонные коробки. Я перевезла их в новую квартиру на двадцатом этаже, в безликую коробку без запаха кедров и без истории.

Я начала методично зачищать пространство. Его рубашки — в пакет номер один. Его книги по архитектуре с моими пометками — в коробку номер два. Я маркировала вещи с такой точностью, словно готовила квартиру к вскрытию.

Когда я коснулась карандаша 2H, пальцы дрогнули.

Никакой серой зоны, Тали.

Я упаковала карандаш в пластик вместе с последней крупницей правды и вывела маркером: «Объект 22. Личные вещи. Не вскрывать».

В ту ночь я подошла к зеркалу и впервые не увидела там себя. Только женщину с пустыми глазами. Я стянула волосы в хвост так туго, что боль стала маркером. Единственным доказательством, что у моего тела всё ещё есть границы.

Порядок в квартире наконец стал идеальным. Но это был мертвый порядок кладбища или морга. Я вытравила из комнат жизнь. С этого момента Талисса закончилась. Осталась Нотрикс.

Полгода спустя реальность окончательно выцвела до монохромных оттенков серого и белого. В моей лаборатории криминалистики время не текло — оно застывало, запечатанное в вакуумные пакеты для вещдоков. Здесь безраздельно властвовал стерильный, мертвенно-белый свет люминесцентных ламп, который не давал тепла, а лишь безжалостно препарирует каждый угол и каждую пылинку на моем предметном стекле.

В этом пространстве больше не было места жизни. Я забыла запах океанской соли и шум города. Остался только резкий, бьющий в ноздри аромат антисептика и едкого формалина. Коллеги теперь называли меня исключительно «Нотрикс», и я часами сидела у микроскопа в такой неподвижности, что меня саму можно было принять за часть лабораторного интерьера.

Золотой водопад моих волос остался в прошлой жизни. Теперь я заставляла их подчиняться, стягивая в жесткий, пугающе ровный хвост — своего рода удавку для прежней «Золотой девочки» Майами. Каждая выбившаяся прядь воспринималась мной как системная ошибка, нарушение структуры, которое я не могла себе позволить. Это натяжение стало моим личным метрономом: оно держало разум в фокусе, не давая мыслям рассыпаться в хаос.

Чёрная кожаная косуха завершала эту трансформацию, становясь моей второй кожей. Это была персональная броня, герметичный скафандр, который никто в управлении не рискнул бы даже попытаться пробить. В этом монохромном доспехе я чувствовала себя защищенной от липкого зноя города и лишних взглядов коллег.

Дверь с тихим механическим шипением отъехала в сторону. Вошел капитан Фил Кэррол, ведя за собой человека, который выглядел здесь так же неуместно, как живой полевой цветок на леднике.

— Тали, отвлекись, — голос капитана прозвучал приглушенно. — Это Эрик Хопмэн. Твой новый напарник. У него блестящие рекомендации.

Эрик неловко переступил с ноги на ногу, прижимая к себе коробку с личными вещами. Он поправил очки и попытался выдавить вежливую, почти робкую улыбку.

— Привет. Я читал твои отчеты о баллистических рикошетах это просто невероятная работа, я

— Правило одно, — мой голос прозвучал как скрежет скальпеля по металлическому лотку. Я даже не повернула головы, не оторвала взгляда от окуляра. — Не трогать мои вещи. Не задавать лишних вопросов. Твой стол в углу.

Эрик осекся на полуслове. Он смотрел на мой профиль, на пальцы, которые с механической уверенностью вращали винт микроскопа, и я кожей чувствовала, как по его спине пробегает физический холодок. От меня веяло таким могильным холодом, что в легких у этого парня, кажется, застывал воздух.

— Постарайся дышать тише, — добавила я. Это была моя последняя фраза за весь день.

За толстым стеклом лаборатории Фил Кэррол задержался на пороге и несколько секунд смотрел на меня так, как смотрят на человека, который слишком долго стоит на краю и уверяет всех, что просто любит вид.

— Талисса, задержись на минуту, — сказал он, когда я заканчивала смену. — Ты работаешь слишком много. Пойдем, выпьем кофе. Тебе нужно дышать чем-то, кроме формалина.

Спустя десять минут мы сидели на террасе небольшого кафе у залива. Фил поставил передо мной стакан крепкого кофе и не стал требовать, чтобы я поблагодарила его за заботу. За это я почти была благодарна.

— Фрэдэрик любил этот город, — сказал он, глядя на воду. — Даже когда ругал его. Особенно тогда.

— Рик ругал всё, что было построено криво.

Фил чуть улыбнулся.

— Значит, ему пришлось бы ругать половину Майами.

Я впервые за день почти улыбнулась. Почти — это максимум, который могла выдать моя нервная система без письменного разрешения.

— Тебе не нужно становиться камнем, Тали, — сказал Фил тише. — Камни тоже трескаются. Просто делают это молча.

— Я не прошу психотерапевтических метафор.

— Знаю. Поэтому ограничусь служебным приказом: ешь, спи и иногда выходи из лаборатории до того, как начнешь разговаривать с холодильными камерами.

Он говорил без нажима, без театральной скорби. И именно поэтому его забота казалась безопасной. Фил был частью старого мира: другом отца, капитаном, человеком, который умел поставить подпись там, где у меня дрожали руки.

— Ты можешь стать лучшим экспертом отдела, — сказал он. — Но не ценой собственного исчезновения.

Я слушала его, не чувствуя ничего, кроме привычного оцепенения и слабого, почти стыдного облегчения: в мире, где всё развалилось, кто-то всё еще говорил со мной как с живой.

Я еще не знала, что моя выстроенная тишина скоро треснет.

Глава 2. Личный паразит

«Вскрытие показывает не только причину смерти, но и то, как мало в нас остается человеческого, когда гаснет свет». — Из моих рабочих записей.

Часть I. Анатомия призрака

Ночной Майами за панорамными окнами моей лаборатории плавился в ядовитом неоновом мареве. Но здесь, за толстыми стеклами, среди холодного кафеля и начищенного до блеска хрома, время будто замерло в формалине.

Я работала в абсолютной тишине. Единственными звуками, которые я соглашалась терпеть в своем добровольном изгнании, были гул холодильных камер и ровное шипение вентиляции. В наушниках по вискам тяжело бил индастриал, выстраивая глухую стену между мной и внешним миром, тем самым, который полгода назад разлетелся вдребезги.

В этом была моя форма покоя. Мир сужался до кончика скальпеля и ритма в висках. Я чувствовала себя последним живым механизмом в городе мертвых, и это одиночество было безопасным. Предсказуемым.

На секционном столе, залитом безжалостным хирургическим светом, лежал очередной клиент — крупный мужчина, выловленный из мутных вод Овертауна. Вода превратила его кожу в посиневшую, вздувшуюся массу с неприятным глянцевым блеском, а одежду — в зловонные лохмотья. Для любого другого это был бы безнадежный висяк. Для меня — задача, набор физических переменных. Моя терапия была проста: если во всем есть логика, хаоса не существует.

Я сделала первый надрез. Движение было идеальным. Лезвие вошло в ткань легко, словно нож в подтаявшее масло.

Я вдохнула едкий воздух, чувствуя, как холод металла передается пальцам через тонкий латекс. В этом был извращенный покой: знать, что ты контролируешь каждое движение и каждую грань между жизнью и смертью.

В тот момент, когда сталь коснулась кожи трупа, под ногтями вспыхнул резкий укол статики. Это не было обычным разрядом от синтетики. Это был резонанс. Моё тело, копившее холод и оцепенение, вдруг сработало как идеальное заземление. Словно я замкнула цепь, которая слишком долго ждала своего проводника.

— Знаешь, если ты начнешь с грудины по канону, то пропустишь всё самое сочное

Голос раздался внезапно, прямо над моим правым ухом. Он был глубоким, с наглой бархатистой хрипотцой, которая заставила мою кровь мгновенно превратиться в ледяное крошево. Я вздрогнула так сильно, что скальпель едва не полоснул меня по пальцам. Сердце сорвалось в удушливый галоп. Одним паническим движением я сорвала наушники и обернулась, готовая защищаться.

Магнитный замок был исправен, мониторы молчали, но моя хваленая реальность дала трещину.

Паника накрыла меня, как ледяная волна. В ушах всё еще звенели оборванные аккорды музыки, но реальность вокруг начала вести себя неправильно. Лампы дневного света над столом судорожно мигнули, издав болезненный треск, а воздух внезапно стал тяжелым и наэлектризованным, словно перед ударом молнии. Моя кожа зазудела от статики, а на языке появился отчетливый привкус меди.

На самом краю секционного стола, всего в паре десятков сантиметров от головы утопленника, бесцеремонно сидел парень. На нем была потертая черная косуха и футболка, туго обтягивающая широкие плечи. Но настоящим преступлением против моего спокойствия были его предплечья: под кожей темнела угольная вязь татуировок — цепи и рваные руны. В мерт-

венно-белом свете казалось, что чернила живут своей жизнью — они мелко вибрировали, пульсируя призрачным синим неоном.

Он не просто сидел там — он вибрировал в пространстве, искажая его. Каждое его движение оставляло в воздухе едва заметный след, как помеха на неисправном мониторе. От него исходила такая волна дикого, первобытного адреналина, что мой рациональный мозг, привыкший к мертвой тишине, начал выдавать системную ошибку за ошибку. Это не могло быть галлюцинацией — галлюцинации не пахнут так остро озоном и жженой резиной.

— Ты ты кто такой?! — выдохнула я, перехватывая скальпель поудобнее. Пальцы в латексе сжались на рукояти до белизны, а сердце, вопреки моему «холодному протоколу», сорвалось в бешеный ритм. — Как ты прошел мимо охраны?

— Охрана? — парень лениво спрыгнул на пол. Его приземление было пугающе бесшумным, лишенным малейшего намека на гравитацию, словно он был не весомым телом, а программным сбоем, мягко опустившимся на кафель.

Он качнулся на пятках, и я увидела, как синие искры на его татуировках на мгновение стали ярче, отразившись в хроме секционного стола.

— Твой громила на посту сейчас пускает слюни над видео с котиками. У него там когнитивный диссонанс между мимимишностью и ночным дежурством. — Он нагло ухмыльнулся, и воздух вокруг него снова пошел рябью. — Он ни за что не заметит того, кто ну, скажем так, транслируется на частоте, которую не ловят ваши дешевые камеры. Технически меня здесь нет, но твои волосы дыбом встали вполне реально, верно?

Он сделал ко мне медленный шаг. Вызывающе плавный. Так двигаются либо хищники, либо мужчины, которым слишком долго сходило с рук абсолютно всё.

Двухдневная щетина, опасный блеск в глазах, уголок губ, едва тронутый насмешкой. От него тянуло чистым адреналином и неприятностями.

Он беспардонно скользнул взглядом по моей фигуре и задержался на бейдже.

— Талисса Нотрикс, — произнес он медленно. — Звучит остро, принцесса. Как древнее мстительное заклинание. Или яд, который убивает красиво.

— Слезь со стола. И исчезни, — процедила я сквозь зубы.

Он медленно улыбнулся.

— Провалиться мне, кажется, уже некуда, принцесса.

Его взгляд скользнул к утопленнику, потом снова вернулся ко мне.

— Но раз уж мы оба здесь страдаем от отсутствия нормальных вариантов Имени у меня осталось ровно одно. Бисэйдж. Фамилии, адреса, биографии — всё стерто к чертовой матери. Зато остались этот морг, твой бейдж и секрет нашего мокрого друга.

Он нагло ухмыльнулся, обнажив ровные зубы.

— Зови меня Сэйджем. Бисом. Ошибкой мироздания. Мне без разницы. Главное — не делай вид, что не видишь меня, Талисса Нотрикс. Это обидно даже для паразита.

— Я не разговариваю с галлюцинациями, — отрезала я.

— Кстати, парень на столе перед смертью решил полакомиться чем-то металлическим. Ключ от ячейки. Вскрой желудок и проверь меня. Рискни своим хваленым научным подходом.

— Как ты это делаешь? — я замерла со скальпелем в руке, глядя на то, как Бисэйдж лениво тычет пальцем в область эпигастрия утопленника.

— Куколка, когда ты наполовину состоишь из статики, мир превращается в один большой рентгеновский снимок, — он усмехнулся, и его силуэт на мгновение подернулся рябью. — Металл для меня «звенит». И у этого парня внутри сейчас настоящий колокольный звон. Ключ, монета или очень неудачно проглоченная брошь — режь и увидишь.

Моя рука, доведенная до автоматизма годами тренировок, сработала мгновенно. Скальпель описал в воздухе сверкающую дугу, летя прямо в плечо этого наглеца. Но вместо того,

чтобы вонзиться в плоть, сталь прошла сквозь черную кожу косухи, как через призрачный туман, и со звоном ударилась о кафель.

Звук упавшего металла показался мне оглушительным. Я смотрела на свои пустые пальцы, и всё моё мироздание, выстроенное на физических константах, с треском рушилось. Я физически ощущала, как мой "лед" дает трещину. Он не был призраком из бабушкиных сказок — он был аномалией, цифровым штормом, ворвавшимся в мой стерильный рай.

Сэйдж даже не моргнул.

— Агрессивно. Мне определенно нравится твой стиль, — он снова ухмыльнулся, и его татуировки вспыхнули ярче. — Но, детка, тебе придется привыкнуть. Я теперь твоя личная тень. Мы теперь в одной связке, Нотрикс. Смирись — я буду очень громким и невыносимым фоном для твоего мира.

Что ж, Талисса, добро пожаловать в безумие. Кажется, твоя стерильная тишина только что приказала долго жить.

Я заставила свои пальцы двигаться несмотря на то, что они дрожали. Если этот парень — галлюцинация, то желудок будет пуст. Если нет мой мир только что окончательно сошел с рельсов.

Надрез. Рутинная манипуляция превратилась в казнь моего здравого смысла. Пинцет погрузился в ткани и с негромким металлическим лязгом наткнулся на что-то твердое. Я вытащила небольшой предмет. Обычный ключ. На нем тускло поблескивал номер «302».

— Кто он такой? — спросила я пустоту, зная, что «паразит» слышит.

— Диего Мартинес — голос Биса прозвучал хрипло, с цифровыми помехами. — Мелкий курьер. Бегал на побегушках у портовых.

Я медленно повернула голову. Бис стоял у стены, обхватив себя за плечи, его фигура мелко дрожала, а татуировки пульсировали тревожным желтым светом.

— Откуда данные, как там тебя... Бисэйдж? — я прищурилась. — Ты же говорил, что твоя память — это чистый лист.

— Так и есть, — он потрянул головой, и по кафелю посыпались искры. — Я не помню его, Талисса. Но когда я смотрю на него, у меня в голове как будто открывается всплывающее окно, которое я не могу закрыть. «Мартинес, Диего. Статус: отработан». Это не память это какой-то мусорный код, который записан поверх моих мыслей.

Он подошел ближе, его взгляд был расфокусирован, будто он смотрел сквозь стену.

— И имя «Варгас» оно просто звенит у меня в ушах, как пожарная сигнализация. Он кажется сейчас в камере временного содержания. Я чувствую его страх — он «фонит» на той же частоте, что и мой очередной глюк. Сходи к нему, Нотрикс. Пока этот шум в моей голове не выжиг мне остатки сознания. Мои «битые файлы» подсказывают, что Варгас — единственный, кто видел, как Диего стал «отработанным материалом».

Прежде чем поверить в этот абсурд, мне нужно было найти железные доказательства собственной вменяемости.

Часть II. Спектр безумия

Я не поехала домой. Вместо этого гнала машину вглубь Уинвуда, туда, где за яркими муралами и запахом крафтового пива прятались тени, не любившие дневной свет. Мне нужно было подтверждение. Любое, кроме наглого голоса у себя в голове.

Джил была моим «темным отражением». Если я была Роботом, который верил в структуру и закон, то она была Хаосом, упакованным в миниатюрную девушку с розовым «ежиком» волос и татуировкой в виде змейки на шее. Мы познакомились три года назад, когда я, еще будучи зеленым экспертом, выследила её по цифровому следу после дерзкого взлома серверов департамента. Вместо того чтобы сдать её, я оценила изящество её кода, а она — то, что я оказалась единственной, кто смог её найти. С тех пор у нас сложился странный симбиоз: я

подкидывала ей «интересные задачи», а она доставала мне информацию, которая официально не существовала.

Каждая миля давалась как потеря очередного бастиона рассудка. От пассажирского сиденья тянуло таким статическим напряжением, что пальцы на руле начали неметь. Огни Майами расплывались в лобовом стекле неоновыми мазками, будто кто-то выкрутил яркость реальности на максимум.

— Ты серьезно? — Бис развалился на сиденье, разглядывая граффити за окном. — Мы едем в район крафтового пива? Если ты надеешься, что меня изгонят, разочарую: я слишком хорошо сочетаюсь с местным неоном.

В ту же секунду радио захлебнулось помехами, а потом из динамиков рванул хриплый гитарный рифф. Я вздрогнула и едва не вывернула руль. У кнопок магнитолы плясали тонкие синие искры.

— Убери руки от моей машины, — процедила я.

— Расслабься, Нотрикс. Твой плейлист пахнет депрессией и нафталином. Я просто добавляю резонанса.

Я промолчала, сильнее сжимая руль.

Лофт Джил находился на верхнем этаже бывшего завода. Внутри пахло канифолью и перегретыми процессорами, которые трудились на износ. Лофт Джил был цифровой кузницей, где воздух гудел на частоте, от которой начинали ныть зубы. Если моя жизнь была уравнением, то это место было точкой, в которой все переменные сгорали, превращаясь в чистый программный код. Я чувствовала себя так, словно зашла в эпицентр грозы, которая вот-вот разразится прямо в моей голове.

Дверь открылась еще до того, как я успела постучать.

— Подруга, если ты принесла мне очередное дело о «цифровом шантаже», то забудь, я занята, — Джил даже не обернулась. Она сидела в коконе из семи мониторов, и их мерцание отражалось в её толстых стеклах очков, превращая глаза в два бесконечных потока программного кода.

— Мне нужно, чтобы ты просканировала меня. Сейчас. На наличие голограмм, имплантов в ушном канале или направленных звуковых частот, — я остановилась посреди комнаты.

Джил наконец развернула кресло. Её взгляд был острым, как скальпель.

Она смотрела не на меня, а сквозь меня — туда, где за моим левым плечом воздух дрожал маслянистой, ядовито-синей рябью. Моё сердце сделало тяжелый, болезненный кувырок. До этой секунды я отчаянно цеплялась за надежду, что это лишь сбой в моих нейронах. Но взгляд Джил — профессионального скептика, верящего только в биты и байты — окончательно выбил почву у меня из-под ног. Моя галлюцинация имела электромагнитный вес.

— Ты выглядишь как человек, который увидел нечто невозможное и пытается доказать себе, что это — всего лишь ошибка в драйверах, — она прищурилась, а затем её взгляд медленно переместился в пустоту чуть левее моего плеча, где воздух шел едва заметной маслянистой рябью.

— Оу

— Что «оу»? — я похолодела.

— Твои показатели статики, Тали они не поддаются логическому описанию. Вокруг тебя такое электромагнитное марево, что у меня сейчас датчики сгорят.

Бис, который до этого с интересом рассматривал её серверную стойку, подошел ближе.

— Эй! — Джил подпрыгнула в кресле, схватив со стола портативный детектор частот. — Не лапай мои экраны! Нотрикс, убери от меня эту аномалию! Мои приборы сейчас просто зашкалят.

Я застыла. Весь мой мир, построенный на отрицании, рухнул.

— Значит ты его видишь? — прошептала я.

— Я вижу электромагнитный шум, который пытается сожрать мой сигнал, — Джил лихо-радочно застучала по клавишам. — Это не галлюцинация, Тали. Это информационный паразит, который транслирует себя через поле. Очень агрессивный и заикленный на тебе. И, Нотрикс, если это оптический муляж, то его собирал бог электричества. У тебя в поле такой шум, что это оскорбляет моё эстетическое чувство.

Она повернула ко мне один из мониторов. На нем я видела свой силуэт в инфракрасном спектре, и рядом со мной — плотное, вибрирующее синее пятно, по форме напоминающее человека.

— Познакомься со своим паразитом на языке цифр, — Джил нахмурилась, изучая данные. — И, кажется, эта система чертовски голодна до информации.

— И что мне теперь делать? — я смотрела на синее пятно на экране, которое двигалось в такт повороту головы Бисэйджа. Физика подтвердила то, во что отказывался верить разум.

Джил откинулась на спинку кресла и стащила очки, потирая переносицу.

— Мой совет? Не подходи к высоковольтным линиям и старайся не злить его рядом с моим лофтом, — она кивнула в сторону Биса. — Этот «паразит» питается твоим вниманием и эмоциями. Чем больше ты на него реагируешь, тем плотнее он становится.

— Эй, я всё еще здесь, — вставил Сэйдж, и на одном из мониторов проскочила полоса помех.

— Проваливай, Нотрикс, — Джил снова развернулась к экранам. — Ты портишь мне пинг. Если я найду, откуда идет «трансляция» этого сигнала, я дам знать. А пока — попытайся не дать ему выжечь твои нейроны.

Я молча развернулась и пошла к выходу. Бис, насвистывая какой-то мотив, последовал за мной, на ходу «просочившись» сквозь закрытую дверь, не дожидаясь, пока я её открою.

Я стояла в коридоре, глядя на закрытую дверь, и физически ощущала, как мой "лед" продолжает крошиться. Физика подтвердила то, во что отказывался верить разум: я не была одна. И мой "паразит" был гораздо реальнее, чем всё то правосудие, которому я служила. Это было не просто безумие — это был новый мировой порядок, и он пах озоном и грядущим штормом.

После лофта Джил я еще почти час сидела в машине на подземной парковке, не включая двигатель. Вокруг было душно и тихо. Бетонные стены отдавали дневным жаром, лампы под потолком жужжали с тем мерзким упорством, с каким дешевые системы освещения напоминают людям о конечности цивилизации. Бисэйдж стоял у капота, просунув полупрозрачную руку в решетку радиатора, и наблюдал, как синие искры перебегают по металлу. Он выглядел так, будто пытался понять, где заканчивается машина и начинается он сам.

Я смотрела на него через лобовое стекло и пыталась разложить невозможное на факты.

Галлюцинацией он быть не мог: Джил зафиксировала поле. Голограммой — тоже: внешнего источника проекции не существовало. Электроника и металл отзывались на него, словно признавали его право быть здесь. Плоть — нет. По крайней мере, не стабильно.

Он знал вещи, которых не должен был знать.

И хуже всего — становился сильнее каждый раз, когда я реагировала эмоционально.

Великолепно. Моя жизнь официально превратилась в эксперимент, который не одобрил бы ни один этический комитет. Хотя если посмотреть на историю человечества, этические комитеты обычно появляются уже после того, как кто-то взорвал половину лаборатории.

— Ты долго собираешься смотреть на меня так, будто решаешь, каким растворителем меня удобнее смыть? — спросил Бис, не оборачиваясь.

— Я оцениваю параметры угрозы.

— Мило. В романтических фильмах это называется «узнать друг друга получше».

— Мы не в романтическом фильме.

— Слава всем мертвым Богам. Там слишком много людей бежит под дождем без зонта и слишком мало взрывов.

Я вышла из машины. Воздух рядом с ним был холоднее. Не просто прохладнее, а структурно иной, будто пространство вокруг Сэйджа имело собственный климат. Мои волосы у висков тихо потрескивали от статики.

— Слушай внимательно. Я буду проверять границы твоего поля.

— Звучит так, будто мне надо подписать согласие на вскрытие.

— Ты технически уже мертв.

— Зато морально возмущен.

Я достала из сумки маленький набор, который всегда носила с собой: пинцет, перчатки, лазерную указку, складную линейку, тест-полоски, мини-фонарик и несколько пустых пакетов для вещдоков. Бис наблюдал с явным интересом.

— Нотрикс, у тебя в сумке больше страшных игрушек, чем в багажнике маньяка.

— Маньяки обычно плохо организованы.

— Стереотипно, но ладно.

Я положила на капот металлическую монету, пластиковую карточку и стеклянный флакон из-под реагента. Потом отошла на шаг.

— Попробуй сдвинуть монету.

— А если я не хочу выступать цирковой крыской?

— Тогда будешь бесполезным цирковым паразитом.

Он оскалился.

— Вот это уже мотивация.

Бис вытянул руку. Воздух между его пальцами и монетой дрогнул, будто его нагрели, хотя термометр на стене показывал всё те же тридцать градусов. Монета сначала мелко завибрировала, потом подпрыгнула и с тихим звоном перевернулась. На ее поверхности выступил тонкий слой инея.

— Металл реагирует, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Пластик?

С карточкой ничего не произошло. Бис нахмурился, татуировки на запястьях вспыхнули ярче. Через секунду магнитная полоса на карте почернела, как ожог.

— Я ее не сдвинул, — сказал он. — Но убил.

— Электромагнитное повреждение носителя.

— Нотрикс, я тут демонстрирую сверхъестественную угрозу, а ты слышишь только неисправность оборудования.

— Флакон.

Стекло не шелохнулось. Бис провел рукой сквозь него, и флакон покрылся испариной, но остался цел.

— Органика? — спросил он.

Я посмотрела на него.

— Не сейчас.

— Боишься?

— Я не идиотка.

— Это не ответ.

— Это лучший ответ, который ты сегодня получишь.

Он замолчал. На секунду его насмешка исчезла, и передо мной снова оказался не наглый призрак, а человек, потерявший собственную плотность. Он смотрел на свои пальцы так, будто ненавидел их за прозрачность.

— Я ничего не чувствую, когда прохожу сквозь стены, — сказал он неожиданно. — Ни сопротивления, ни боли. Только шум. Как будто мир сделан из помех. Но когда рядом ты — он зашумел, и это было почти страннее всего. — Когда рядом ты, шум становится тише.

Мне очень не понравилось, как эта фраза ударила в грудь.

— Возможно, мое поле стабилизирует твое.

— Конечно. Спасибо, доктор Романтика.

Я сделала вид, что записываю наблюдение в телефон. На самом деле экран несколько секунд оставался пустым. Слова Биса зацепились за что-то внутри, за область, которую я после смерти Рика герметично закрыла и подписала «не вскрывать». Я не собиралась позволять неизвестному электромагнитному существу с хамскими манерами и подозрительным обаянием ковыряться там своими синими искрами.

Он коснулся виска.

— Моя память выглядит как пленка после пожара. Есть куски: свет, скорость, вспышка, чей-то голос. Потом провалы. Когда я пытаюсь смотреть глубже, меня как будто выбрасывает обратно.

— И ты всегда оказываешься рядом со мной?

— Да.

— Почему?

— Если бы знал, уже бы написал мемуары: «Как я стал навязчивым духом и испортил жизнь блондинке с манией стерильности».

Я почти улыбнулась. Почти — это не преступление, если никто не зафиксировал.

С парковки донесся звук открывающейся двери. Я мгновенно спрятала набор обратно в сумку. Из лифта вышла пожилая женщина с пакетом продуктов и маленькой белой собакой, которая тут же застыла, уставившись прямо на Бисэйджа. Собака не лаяла. Она медленно села на задние лапы и жалобно заскулила.

Бис посмотрел на нее с оскорбленным достоинством.

— Серьезно? Даже карманная швабра меня видит?

Собака попятилась, женщина ничего не заметила. Когда они исчезли за поворотом, я добавила в мысленный список шестой пункт: животные реагируют на поле.

Мы вернулись в машину. Я завела двигатель, и радио тут же захлебнулось помехами. Бис виновато — или почти виновато — скосил глаза. Я надеялась, что за порогом моей квартиры всё закончится.

Часть III. Правила выживания в «стерильной» зоне

Домой я ехала, вцепившись в руль своего внедорожника так, что костяшки пальцев побелели, став почти прозрачными. Дорожные огни Майами расплывались в лобовом стекле длинными неоновыми мазками, превращая город в размытый, пульсирующий фон, под стать моему состоянию.

Моя квартира всегда была моим личным храмом энтропии, местом, где хаос Майами не имел власти. Я выстраивала этот мир по линейке, где каждая чашка стояла под определенным углом, а тишина была настолько плотной, что я слышала собственное дыхание. Но теперь в этой тишине появился посторонний шум — низкочастотный гул, который вибрировал у меня в самом основании черепа, напоминая, что мой "паразит" никуда не делся.

— Галлюцинация. Посттравматический шок. Мозг просто выгорел от работы и хронического недостатка сна, — методично, словно зачитывала протокол очередного вскрытия, твердила я себе, поднимаясь по лестнице к квартире.

Я была криминалистом до мозга костей. Мой мир всегда стоял на трех незыблемых китах: ДНК, баллистика и химия. Я верила только в те факты, которые можно запечатать в пакет для вещдоков и пронумеровать. Гибель Рика была для меня физической, окончательной истиной, подтвержденной отсутствием пульса. Никакой магии, никаких духов и уж точно никакой жизни после смерти для меня не существовало — только сбой в нейронах.

Я вошла в свою квартиру, не зажигая свет. Окутанное полумраком пространство встретило меня привычным запахом тишины, холодного чая и застарелого одиночества. Я повесила

в шкаф кожаную куртку и вдруг замерла, так и не донеся руку до выключателя. Воздух в гостиной стал странным — наэлектризованным, пахнущим озоном и жженой резиной.

— Ну и дыра, — Бисэйдж лениво окинул взглядом моё идеально убранное, почти безжизненное жильё. Он провел призрачной ладонью над столом, и я увидела, как под его пальцами воздух сворачивается в маслянистую рябь, оставляя на лаке след, похожий на иней.

— Слушай, Нотрикс, я, конечно, видел всякое, но у тебя здесь реально стерильнее, чем в морге. Такое чувство, что даже пыль боится осесть на эти поверхности без твоих письменных санкций и печати в трех экземплярах.

Он обернулся, и его татуировки вспыхнули агрессивным синим неоном, разрезая стерильный полумрак моей гостиной.

Я видела, как он лениво провел ладонью над полированной поверхностью стола. Он не касался дерева, но там, где проходили его пальцы, воздух шел мелкой маслянистой рябью, а на лаке оставался едва заметный след, похожий на изморозь. Мои датчики реальности истошно вопили об ошибке. Сэйдж не просто сидел в моей комнате — он был помехой, чужеродным кодом, который начал переписывать мою жизнь прямо у меня на глазах. От него пахло озоном, старой кожей и какой-то невозможной, запредельной скоростью.

Я почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод. Пальцы медленно потянулись к выключателю. Щелчок — и яркий свет залил комнату, но парень не исчез. Наоборот, его татуировки в домашнем освещении стали казаться еще ярче, пульсируя призрачным синим неоном под его кожей.

— Ты всё еще здесь — прошептала я, прислоняясь спиной к двери, чтобы не упасть.

— А я похож на того, кто бросает дам в беде? — Бисэйдж усмехнулся, рассматривая свои полупрозрачные пальцы.

— Твоя квартира — это не дом, это манифест одиночеству, возведенный в абсолют. Ни одной лишней чашки, ни одной брошенной шмотки. Это вообще жильё или камера одиночного заключения для очень красивых, но совершенно отбитых судмедэкспертов? Знаешь, твой «монашеский» вайб начинает меня угнетать уже через пять минут. Нам определенно нужно это исправить. Купи хотя бы кактус, что ли. Или заведи кота-мизантропа — вы бы отлично поладили в этой звенящей пустоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.